

«Насилие в государстве — вещь обязательная»

ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ ВАЛЕРИЕМ ПЕРЕВЕРЗЕВЫМ

Изобретения человеческой жестокости (кнуты, плети, дыбы, растяжки, медали за пьянство, женские и мужские пояса верности, огромные пыточные машины), представленные в московском Музее истории телесных наказаний, поражают своей изощренностью. Невольно возникает мысль: «Хорошо, что в наше время пытки запрещены конституциями практически всех государств мира, в том числе Конституцией РФ». Но канули ли пытки в темное прошлое? Об этом мы узнаем из беседы с директором музея Валерием Переверзевым.

— Валерий, почему Вам захотелось собрать и сохранить все эти чудовищные орудия пыток и телесных наказаний?

— Все началось 15 лет тому назад. Я познакомился с одним человеком, который занимался организацией выставок маленьких книжек, знаете, таких миниатюрных книжек с автографами знаменитых людей. Мы с ним разговорились, и я понял, что для меня открываются неизвестные горизонты, где я мог бы применить свою энергию.

До встречи с ним я не знал, что на этом можно зарабатывать, а я в то время отчаянно нуждался в деньгах. Ходить куда-то просить я не умел. Идей в голове всегда было много, а тут реально увидел, в чем могу себя проявить, за что я ему очень благодарен.

— Это был Ваш первый опыт работы в Музее?

— Нет, на тот момент у меня их было уже несколько. Первое, чем я увлекся, были подводные животные. У меня жили черепахи, и я, не задумываясь, сделал выставку экзотических черепах, которая объехала 42 города.

Все музейщики страны знают меня как человека, который занимается подводным миром. Когда я открыл Музей истории телесных наказаний, некоторые звонили мне и говорили: «Слушай, видели по телевизору, ты о пытках там что-то рассказываешь, что это за ерунда?»

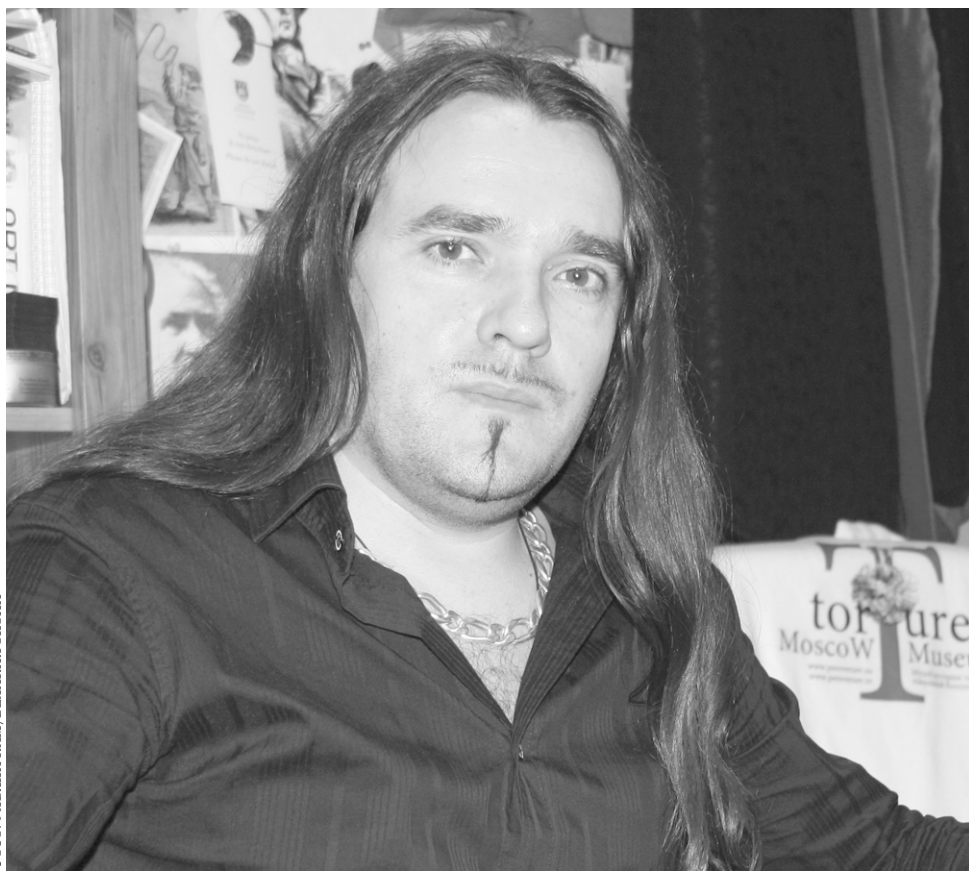
Затем я стал развивать другие направления, и мы сделали передвижной планетарий. На всю страну было всего два передвижных планетария: мой и свердловский.

Как-то я познакомился с ребятами из Питера, которые занимаются восковыми фигурами. Стал брать у них в аренду кое-какие экспозиции для своего музея. И однажды я понял, что мне очень интересна история.

— Как любовь к истории привела Вас к идее открытия музея пыток?

— Когда во мне проявился интерес к истории, я понял, что вся беда в том, что ее подают нам очень скучно, неинтересно и не доходчиво. Отсюда выходит, что многие ее просто не любят.

Я не говорю о профессионалах, нет, про них особый разговор. У нас много прекрасных и очень известных историков, ученых. Я говорю об общей тенденции. К примеру, мы говорим, что наша задача — сделать музей для народа. Театральные деятели говорят, что наша первая задача — сделать театр для народа. А заканчивается все словами, что народ — быдло, и если он не по-

Директор Музея истории телесных наказаний Валерий Переверзев

нимает нашего музея, театра, пусть не ходит, это для избранных. Вот такая позиция у элиты по отношению к народу.

В то же время не во всех музеях отображается историческая правда. Зайдите в московский государственный исторический музей, единственная жесткая вещь, которую я видел там, — это медаль за пьянство. И то экскурсовод про нее не рассказывает. Я задаю ему вопрос: а что это за медаль?

Когда во мне проявился интерес к истории, я понял, что вся беда в том, что ее подают нам очень скучно, неинтересно и не доходчиво. Отсюда выходит, что многие ее просто не любят.

Он отвечает: да ну, это Петр I «прикололся». И все, ведет группу дальше.

— Зато в Вашем музее все экспонаты получились очень тяжелыми.

— Тяжелыми? Да! Но ведь это наша норма, правда нашей жизни, это наша эстетика, часть человеческой культуры. Когда я говорю о виселице, о сожжении на костре, обращаюсь к испанской эстетике. Французы забрали себе гильотину, хотя это далеко не французское изобретение, но это вроде как французская эстетика. К американской культуре можно отнести электрический стул.

— Вы задавались вопросом: кого пытали и за что?

— Конечно, ведь одних казнили таким образом, других — иным, третьих пытали. Почему? Зачем пытали, наказывали телесно? Возникло огромное количество вопросов. И об этом практически ничего не написано. Если и написано, то в очень убогих однообразных формах.

— А что говорит история по поводу

эффективности наказания? Какие уроки мы извлекли из нашего прошлого?

— Ужесточение казней, ужесточение чего-либо не является профилактикой дальнейших преступлений. Философ Бекария в свое время вывел формулу, в которой доказал неэффективность казней. Сожгите педофила на Красной площади либо разорвите его на куски, а пепел развеите — педофилов от этого меньше не станет. Это всем давным-

давно понятно. Поэтому я и открыл Музей истории телесных наказаний.

— Кроме просвещения, какие цели Вы еще ставите?

— Представьте себе толпу, которая бежит. Она бежит, и ее нужно просто остановить, сказать: «Стойте! Подойдите и просто посмотрите, подумайте об этом, задумайтесь».

Страшные телесные наказания, страшные казни нужны были для того, чтобы устрашать своих и устрашать врагов. Как говорили в старину, пытать своих, чтобы чужие боялись.

Дело в том, что пытки, телесные наказания, казни — это неотъемлемые атрибуты государства. Насилие в государстве — вещь обязательная.

— Да, но существуют формы допустимого насилия и недопустимого. Как Вы объясните это?

— Люди не могут жить в обществе без насилия, мы обязательно должны подвер-

гаться насилию. Самый простой пример, светофор: на красный свет — стой, на зеленый — иди.

Для меня слово свобода — самое главное слово в жизни человека, независимо от того, живет ли он в Америке, в Африке или в Австралии. Ну, кроме слов «мама», «душа» и прочих.

С этим словом умирали чаще, чем «за Родину», потому что свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого.

— Интересно, какой смысл вложен в это понятие?

— По мере развития человечества, люди объединялись в общество и выбирали себе суверена, назовите его, как хотите: королем, царем, вождем или фараоном, как угодно.

И пожертвовали частями своей свободы, отдали по кусочку ему и сказали: ты будешь нами руководить, мы твои холопы, мы ниже, чем ты. Ты умный, ты сильный, сделай так, чтобы мы жили до 80 лет, пахали свою землю, защити нас от внешнего врага. И второе, сделай так, чтобы члены нашего общества не пытались оттяпать себе назад этот кусочек свободы, да еще и присвоить мой кусочек.

Иначе говоря, я свой кусок свободы отдал нашему президенту, чтобы он мной руководил. И человек, который едет на красный свет, забрал свой кусок свободы себе. Но я-то еду на зеленый, значит, он забрал еще и мой кусок, понимаете? И это проявляется во всем: в прокурных туалетах, где висит табличка «Курить нельзя», в машинах, припаркованных на тротуаре — во всем.

Поэтому суверену, чтобы предотвращать поползновения любого гражданина и защитить его от внешнего врага, нужны были телесные наказания. И казни в том числе. Почему? Потому что люди должны жить в страхе. Всегда.

— Разве нельзя управлять по-доброму?

— Страх — это то, что управляет обществом, и суверен это хорошо знает. Страх ведь тоже эволюционирует, он абсолютно разный. Когда-то боялись ведьминоного омута: «Не ходи на болото, кикимора там, русалки на ветвях сидят». И туда никто не ходит.

Или, например, взять русское поверье, что душа выходит через рот у человека. Поэтому, если ему отрубить голову, то она выходит чистой. В бою погибнешь или топором отрубишь голову, она выходит бы-

стрее, чище, омывается кровью. А если передавить этот выход для души веревкой (повесить человека), значит, она на суд божий выходит неочищенная, через задний проход, то есть оскорбленная. Вот поэтому казнь через повешение унижала человека, и этого боялись.

Продолжение на стр. 11